

Юлия Тупикина,
iosono@yandex.ru

Дом с привидениями

Богатый подъезд, пальмы в кадках, зеркала, пейзажи на стенах. Толстый консьерж 50 лет в синем костюме сидит в будке. Из лифта выходит молодая женщина в джинсах, на шпильках с йоркширским терьером в сумочке, она подходит к будке:

- Павел Иосифович, ну опять бутылки. И опять Беломор.

Консьерж кашляет, потом робко замечает:

- Ну, мож, соседи? Сигаретку, то-сё...

Женщина встряхивает своими красивыми длинными волосами и смотрит на консьержа свысока:

- Папироску. Уж я этого Беломора перекурила в своё время... Короче, я знаю, чё почём, дядя - она плотнее прижимает к себе собачку, и шагает к выходу, бросая на ходу: - Ну чёрти что, элитный дом.

Консьерж поднимается на лифте на 5 этаж, выходит из лифта. На полу посреди площадки лежит газета, на ней селедочные головы и хребты, тут же валяются пустые бутылки из-под водки «Пшеничная», папиросные окурки и дохлая крыса. Консьерж морщится, подходит и смотрит на газету – это газета «Правда». Он брезгливо перешагивает через крысу и подходит к объявлению на стене. Это рукописное объявление, написанное неуверенным старческим почерком: «Товарищи! В нашем доме завелись привидения! Спасайся кто может!» Он срывает объявление, комкает, бросает на пол. Он достает из кармана бутылёк с таблетками, вытряхивает одну и кладет под язык.

Он выходит из лифта на первом этаже, подходит к своей будке – там кто-то помадой на стекле написал тем же почерком, что и объявление: «День твой последний приходит, буржуй!» Консьерж плюёт на пол. Он нервно заходит в будку и звонит куда-то по телефону.

- Алё! Алё! Это Глищенюк из 34-того, подъезд первый. Это, уборщицу надо. Ну опять. Да. Да я смотрю! Да ни одна мышь! Кто-то из своих! - Он бросает трубку: - Да пошла ты!

Он выходит из будки, берет со стола возле будки рекламный проспект о спа-салоне класса люкс и остервенело стирает помаду со стекла. Он снова заходит в будку, из лифта выходит женщина 50 лет в розовом плюшевом спортивном костюме и тапочках, она подходит к будке.

- Ну это уже, знаете, ни в какие ворота! Кто-то, простите, насрал у меня на коврик! И в дверь позвонили!

- С какого этажа? – Консьерж вытирает пот со лба рукой.

- С пятого, 67 квартира. Кого вы пускаете? Бомжей? – Женщина говорит с угрозой в голосе.

- Да ни одна мышь! Это соседи! – Консьерж прижимает руку к своему сердцу.

- Ну я не знаю... - Женщина нервно оглядывается, барабанит пальцами по столу возле будки консьержа, - Может, конечно, из 66 квартиры. Он странный.

- Да ну, полковник милиции жеж! – Консьерж искренне возмущен.

- Ну а в 65 вообще депутат! Короче, я буду жаловаться, - Женщина разворачивается и уходит к лифту.

Консьерж нервно набирает номер:

- Алё. Глищенюк, да. Да, на пятом. Да не знаю я!!! У меня давление 180!

В подъезд быстро входит полковник милиции в форме. Консьерж кашляет:

- Я ивиняюсь, вы из 66?

- В чём дело? – Полковник нервно оглядывается.

- Как бы сказать... Эээ...

Тут в подъезд заходит бомжиха в голубом плаще, с пакетиком в руке. Она, улыбаясь, подходит к консьержу и полковнику, достает из пакета селедку, берет её за хвост и, размахнувшись, бьёт полковника по лицу. Полковник хватается за кобуру, ковыряется, достает пистолет. Бомжиха убегает, забегает в лифт. Двери лифта закрылись, раздаются выстрелы, пули ударяют в двери лифта и рядом.

- Караул! – кричит весь красный консьерж. Пыхтя, он бежит по лестнице, он весь багровый, тяжело дышит, он пошатывается, опять кладет под язык таблетку из своего бутылка, тяжело забегает на 5 этаж, стоит весь в поту. Там эта бомжиха сидит на полу и ест селедку на газетке. Рядом стоит алкоголик лет 60 в тельняшке и трениках и курит Беломор. Он, держа папиросу в губах и глядя свысока, расстегивает ширинку, подходит вплотную к консьержу и мочится ему на ботинки. Потом выплёвывает папиросу и бьёт консьержа по ушам. Консьерж, и без того в предобморочном состоянии, теряет сознание и падает.

Консьерж открывает глаза. Лицо бомжихи вплотную к его лицу.

- Добро пожаловать, - говорит она игриво.

Он поднимает голову и осматривается. Он лежит на кровати рядом с бомжихой в какой-то темной комнате, кругом что-то невообразимое: всё засыпано мусором - обломки стульев, пружины, рваные абажуры, перегоревшие лампочки на полу, тряпки, пластиковая использованная посуда, бутылки из-под масла «Идеал». На колченогом кресле сидит тот алкоголик. Перед ним табуретка, на ней початая бутылка водки «Пшеничная», граненый стакан. Он плачет и смотрит по маленькому черно-белому телевизору похороны Брежнева, дрожащей рукой наливает себе водку, пьёт.

- Где я? – тихим ровным голосом спрашивает консьерж.

- Ты у меня, в 66 квартире, - Бомжиха сидит на кровати и в сумраке, глядя на себя в старую пудреницу, красит тушью для ресниц правый глаз.

- Там же мент живёт, - так же тихо и ровно говорит консьерж.

- А раньше я жила, - деловито, спокойно, глядя на себя в зеркальце, говорит бомжиха. - Тут хрущевка стояла. Снесли, суки. Но мы с Колей боремся. Он из 65-й.

- Сюзанка, мы этих буржуев выживем! – с надрывом откликается Коля. - И Пашка теперь с нами! Крепнут ряды! – Коля встает со своего кресла и со стаканом водки в руке подходит к кровати, протягивает его Павлу Иосифовичу. – Пей, Паша!

Консьерж пьет. Сюзанна встает с кровати и протягивает ему руку, он встает. Коля берет его за правую руку, Сюзанна за левую, и втроем они идут к стене, подходят вплотную и проходят сквозь неё.

По телевизору показывают, как в могилу Брежнева скорбящие члены Политбюро бросают горсти земли.

Новый молодой консьерж сидит на месте старого. Он одет с иголки и хорошо воспитан. Он читает буржуйский журнал о яхтах и тачках, такая дольче вита. Кто-то входит в подъезд с беломором с зубях. Это Павел Иосифович. Теперь он расслаблен и умиротворён, одет богемно. Он несётдохлую крысу, под мышкой газета «Правда». Он подходит к стойке консьержа и небрежно скидывает пепел прямо на элитные глянцевые проспекты, тут же кладёт крысу.

Сынок, - говорит он пареньку, - А ведь раньше здесь жили поэты и художники, сынок. Где теперь та Москва?

Молодой консьерж в ужасе.

Улица перед подъездом элитной многоэтажки. Подъезжают грузовые машины, грузчики выносят из подъезда мебель. Выезжают семьи мента, молодой женщины с терьером, тёти в плюшевом костюме.

Ну чёрт-те что, элитный дом, - говорит женщина с терьером, и с китайской вазой в обнимку садится в свою машинку, всю заваленную вещами, уезжает.

КОНЕЦ